

СОСТОЯНИЕ АФФЕКТА

Борис Ихлов

Спектакли 70-х – строже, аскетичнее, точнее, лучше фильмов. Сравните фильм «Солярис» и спектакль. По повести Чехова «Драма на охоте» Борис Ниренбург поставил спектакль, режиссер Эмиль Лотяну снял фильм «Мой ласковый и нежный зверь». Спектакль ближе к тексту, но есть и разночтения. В спектакле Камышев говорит, что ем порой нечего есть, - и всё, у Чехова редактор видит, что он лжет – он едет по важным делам в Одессу. В спектакле Камышев крайне уважительно относится к Урбенину, в тексте этого нет. Ни в спектакле, ни в фильме нет дочери Урбенина от первого брака, Саши. Нет и отца Оленьки, что боится воров. Нет и мужика Осипова, которого Камышев по пьяни попотчевал веслом по голове. В тексте и в спектакле присутствует сын Урбенина Гриша, в фильме его нет. В тексте и в спектакле - Митька, в фильме обходятся без него. У Чехова и в спектакле - брат жены графа, Пшехоцкий, в фильме он только в конце. В тексте и в спектакле - одноглазый Кузьма, слуга Урбенина, которого убивают, в фильме его нет. У Чехова в тексте – значительный фрагмент о попугае, в фильме этого нет. В фильме Урбенин – богач, дворянин, важнее и респектабельнее графа Карнеева, у Чехова и в спектакле Урбенин – управляющий графа, после того, как Ольга жалуется на Урбенина, граф его увольняет. В фильме Урбенин благообразен, в тексте – уродлив: «Сразу я представил себе рядом с нею пожилого, толстого, краснолицего Урбенина с оттопыренными ушами и жесткими руками, прикосновение которых может только царапать молодое, только что еще начавшее жить женское тело...» У Чехова и в спектакле граф – ничтожная личность, заискивающий перед Камышевым, в фильме – разгильдяй, но вполне респектабелен и независим. В фильме Камышев и Ольга знакомы, в тексте знакомятся у дома лесничего, в спектакле – у графа. В фильме Урбенин говорит, что ничего не помнит и вяло соглашается, что он убийца, в тексте и в спектакле он активно и изобретательно защищается. То есть, фильм – даже не по мотивам, а по собственной фантазии Лотяну.

Чехов не любил детективы

Замысел Чехова – создать на местном материале детектив, как у Агаты Кристи, где в роли Пуаро выступает редактор газеты.

Однако попытки редактора анализировать недостатки следствия, ловить на чем-либо Камышева – наивны, в них мало логики, редактор явно не дотягивает даже до Пуаро.

Редактор обвиняет Камышева, что место преступления не было осмотрено.

«Ехать на место преступления было невозможно: дождь, начавшийся ночью, всё еще лил, как из ведра. Маленькие лужи обратились в озера. Серое небо глядело сурово и не обещало солнца; смоченные деревья, уныло свесив свои ветви, сыпали целый град крупных брызг при каждом дуновении ветра. Ехать было невозможно да и, пожалуй, незачем: следы преступления, как-то: кровавые пятна, человеческие следы и проч., вероятно, были за ночь размыты дождем. Но формальность требовала, чтобы место преступления было осмотрено, и я отложил эту поездку до приезда полиции...»

Разве это Пуаро? Ведь Камышев сам подсовывает аргумент детективу.

«А на месте преступления были? — Нет, еще не был. Товарищ прокурора поморщился, провел своей белой, женской рукой по свежевывытому лбу и зашагал по комнате. — Мне непонятны соображения, по которым вы еще там не были, — забормотал он: — это прежде всего нужно было сделать, полагаю. Вы забыли или не сочли нужным? — Ни то, ни другое: вчера ждал полицию, а сегодня поеду. — Там теперь ничего не осталось: все дни идет дождь, да и вы дали время преступнику скрыть следы. По крайней мере, вы поставили там сторожа? Нет? Н-не понимаю!»

Да ведь дождь – как из ведра, смыл все следы преступления за несколько минут – что говорить о нескольких часах.

«Я должен, - пишет редактор в ремарках от имени Антоши Чехонте, - обратить внимание читателя еще на одно очень важное обстоятельство. В продолжение 2-3-х часов г. Камышев занимается только тем, что ходит из комнаты в комнату, возмущается с врачами прислугой, щедро сыплет оплеухи и проч... Узнаёте ли вы в нем судебного следователя? Он, видимо, не спешит и старается чем-нибудь убить время. Очевидно, «ему убийца известен». Затем, описанный ниже, ничем не мотивированный, обыск у Сычихи и допрос цыган, более похожий на издевательство, чем на допрос, могут быть проделаны только для проволоочки времени. - А. Ч.

Это уклонение от вопроса первой важности имело в виду только одно: растянуть время и дожидаться потери сознания, когда Ольга не могла бы уже назвать имя убийцы. Прием характерный, и удивительно, что врачи не оценили его по достоинству. - А. Ч.

Камышеву нужно было дать понять Ольге, какие тяжелые последствия для убийцы будет иметь ее сознание. Если ей дорог убийца, ergo - она должна молчать. А. Ч.»

Об обыске у Сычихи: «К чему? Допустим, что всё это проделано судебным следователем спяна или спресонок, тогда зачем же об этом писать? Не лучше ли скрыть от читателя эти грубые ошибки? - А. Ч.» Ничего ошибочного в этом обыске нет.

Кузьма идет к Камышеву сообщить, что барин, который вытер об него кровь – Камышев??

«Сергей Петрович, молодой человек! — заговорил вдруг нежным, мягким голосом убийца, хватая меня за руку. — Вы честный и порядочный человек... Не губите и не пятняйте себя несправедливыми подозрениями и опрометчивыми обвинениями! Вы не можете только понять, как жестоко и больно вы оскорбили меня, взвалив на мою ни в чем не повинную душу новое обвинение...»

Для чего пишет это Камышев, чтобы читатель его заподозрил?

Зачем редактор делает акцент на том, что Камышев якобы тянул время, ждал, пока умрет Ольга – ведь Камышев не доктор, не мог знать. Да и у Ольги явно было время, чтобы ответить - и она ответила: она улыбнулась и покачала головой, хотя могла назвать имя.

Редактор пишет, что Камышев, сообщая о наказании, которое ему грозит, пытался разжалобить Ольгу. «Ольга намеренно не назвала мне убийцы, чего бы она не сделала, если бы убийца был простым грабителем. Очевидно, убийца был ей дорог, и она не хотела, чтобы его подвергали из-за нее тяжелому наказанию... Такими людьми могли быть ее сумасшедший отец, ее муж, которого она не любила, но перед которым, вероятно, чувствовала себя виноватой, граф, которому она, быть может, в душе чувствовала себя обязанной...»

Всё неверно: дело в том, что Ольга улыбнулась. Даже если оставить улыбку в стороне: справедливое наказание могло бы очистить совесть. Ольга этого не хочет! Она до конца остается стервой.

«Почему вы не допросили гостей, кутивших с вами на опушке? Они видели окровавленного Урбенина и слышали крик Ольги, — допросить их следовало».

Глупости, если граф признан невиновным в виду того, что не уходил от гостей, так и допрашивать сплоченный коллектив гостей бессмысленно.

Медицинское освидетельствование

«При наружном осмотре были найдены врачами следующие повреждения. На голове, на границе с левой височной и теменной костями, — рана, имеющая полтора дюйма длины и проникающая до кости... Нанесена она тупым орудием, вероятно, как мы потом порешили, клинком кинжала. На шее, на уровне шейного позвонка, замечается красная полоса, имеющая вид полукруга и обхватывающая циркулярно заднюю половину шеи. На всем протяжении этой полосы усмотрены повреждения кожицы и незначительные кровоподтеки. На левой руке, на один вершок выше кисти, найдено четыре синих пятна: одно на тыльной стороне и другие три на ладонной. Произошли они от давления и, вероятнее всего, пальцами... Последнее подтверждается еще тем, что на одном из пятен усмотрена маленькая ссадина, произведенная ногтем... Между четвертым и пятым ребром на линии, мысленно проведенной от середины подмышковой впадины вертикально вниз, находится большая, зияющая рана, длиною в дюйм. Края ее ровные, как бы порезанные, пропитаны жидкой и свернувшейся кровью... Рана проникающая... Произведена она режущим орудием... ширина которого вполне соответствовала

величине раны... рана головы нанесена тупым орудием, а рана груди — режущим, и притом, вероятно, обоюдоострым...»

Как и в рассказах Агаты Кристи, у Чехова преступник в конце повествования сознается: «Это вы желаете знать в дополнение прочитанного? Извольте... Убил я под влиянием аффекта. Теперь ведь и курят и чай пьют под влиянием аффекта. Вы вот в волнении мой стакан захватили вместо своего и курите чаще обыкновенного... Жизнь есть сплошной аффект... так мне кажется... Когда я шел в лес, я далек был от мысли об убийстве; я шел туда с одной только целью: найти Ольгу и продолжать жалить ее... Когда я бываю пьян, у меня всегда является потребность жалить... Я встретил ее в двухстах шагах от опушки... Стояла она под деревом и задумчиво глядела на небо... Я окликнул ее... Увидев меня, она улыбнулась и протянула ко мне руки... — Не брани меня, я несчастна! — сказала она. В этот вечер она была так хороша, что я, пьяный, забыл всё на свете и сжал ее в своих объятиях... Она стала клясться мне, что никого никогда не любила, кроме меня... и это было справедливо: она любила меня... И, в самый разгар клятв, ей вздумалось вдруг сказать отвратительную фразу: «Как я несчастна! Не выйди я за Урбенина, я могла бы выйти теперь за графа!» — Эта фраза была для меня ушатом воды... Все накипевшее в груди забурлило... Меня охватило чувство отвращения, омерзения... Я схватил маленькое, гаденкое существо за плечо и бросил его оземь, как бросают мячик. Злоба моя достигла максимума... Ну... и добил ее... Взял и добил...»

Если он ее бросил на землю как мячик — у нее по всему телу должны быть гематомы. Но если он ее не хватал за руку, на руке гематомы не могло быть. И гематома странная: у хватавшего — 4 пальца на руке, один палец — снаружи, три другие — изнутри?

В дополнение преступник рассказывает, зачем он решил покаяться публично: «Мучило же меня другое: всё время мне казалось странным, что люди глядят на меня, как на обыкновенного человека; ни одна живая душа ни разу за все восемь лет пытливо не взглянула на меня; мне казалось странным, что мне не нужно прятаться; во мне сидит страшная тайна, и вдруг я хожу по улицам, бываю на обедах, любезничаю с женщинами! Для человека преступного такое положение неестественно и мучительно. Я не мучился бы, если бы мне приходилось прятаться и скрытничать. Психоз, батенька! В конце концов на меня напал какой-то задор... Мне вдруг захотелось излиться чем-нибудь: начхать всем на головы, выпалить во всех своей тайной... сделать что-нибудь этакое... особенное... И я написал эту повесть — акт, по которому только недалекий затруднится узнать во мне человека с тайной... Что ни страница, то ключ к разгадке... Не правда ли? Вы, небось, сразу поняли...»

Однако состояние аффекта — странное: бросил как мячик, ударил по голове, увидел, что не умерла — всадил в бок кинжал...

В нулевые уже созрело новое поколение, лишенное какой-либо морали, не признающее никаких ценностей, кроме чистогана и собственных удовольствий.

В семье небогатых и вполне добропорядочных пермских обывателей с высшим образованием родилась девочка Катя, к 20 годам стала красавицей и вышла замуж по вполне современным мотивам — за состоятельного сотрудника «Газпрома». Они мирно зажили в богатой квартире, однако через несколько лет объявился парень, который питал к Кате нежные чувства, и она ответила ему взаимностью. Было решено, что Катерина разводится с постылым мужем. Муж разводиться не стал, а вместо этого зарезал красавицу жену на глазах их сына.

Местные психиатры честно отписали, что муж был во вменяемом состоянии, преступление совершил сознательно. Сотрудника «Газпрома» ждала суровая кара, но деньги фирмы сделали свое дело. Через полгода (!!!) врачи Института им. Сербского умудрились определить, что муж на момент совершения преступления был в состоянии аффекта. Закон в таких случаях снимает часть вины, но предписывает лечение. Полгода преступник отдыхал в одной из психиатрических лечебниц, вышел на свободу и стал по суду требовать забрать сына к себе.

Разумеется, никакого состояния аффекта не было: на убиенной — свыше 30 смертельных ножевых ран, причем много резаных. То есть, преступник хотел помучить жертву, следовательно, его действия были сознательными.

Я просил знакомого оперативника раздобыть некоторые документы, которые бы изобличали и убийцу, и суд. Отец Катерины заплатил ему деньги, оперативник два месяца ссылаясь на неожиданные трудности, а после и вовсе отказался. Но денег не вернул.

Происшествие это соответствует той удушливой атмосфере, которая царит в пермском правосудии. Например: ехала пьяна в дым «субару», врезалась в столб. Рядом стояла «Ока». Решение Свердловского райсуда Перми: «На «Оке» потому не оказалось царапин, что «Ока» ударила «субару» сильнее, чем «субару» - «Оку.» Судья опроверг третий закон Ньютона. Решение прошло две инстанции. Тем же дышит и следствие. Орджоникидзевский район города Перми, убили парня, столкнув его с 4-го этажа. Определение следователя: «Выбросился сам, потому что был эмо». Мужчину избили до смерти несколько его родственников – с целью завладеть квартирой. Заключение судмедэкспертизы: «Упал сам, несколько раз подряд».

Но каковы пружины, толкавшие на зверство мужа Катерины? Ведь он до этого не был уголовником и не собирался им становиться. Да и Катерина не подходит на роль стервы. Не хотел делить квартиру? Нет. Он хотел садистски резать, как это делают «плохие парни» в американских фильмах, как в фильме «Молчание ягнят».

... Валера П. из Магнитогорска – вор, отсидел 13 лет. В начале 90-х занялся бизнесом, подцепил юную красотку. Красотка желала трехкомнатную квартиру в центре города, бриллианты, автомобиль. Валера ее боготворил, боялся коснуться, хотел жениться. Как-то ехали в поезде, курили с друзьями в тамбуре, открыли дверь. Тут вскрылось – девочка переспала с приятелем Валеры. «Как я ее оттянул по морде!» - рассказывал он мне. Вылетела из вагона, упала, ударилась виском о камень и отдала богу душу. Валеру не судили – никто не написал заявление в милицию. Валера спился и помер. Сколько таких девочек по России, с потасканными, постаревшими телами, пустыми глазами, уже не способных рожать.

Пьеса Чехова заканчивается аналогично рассказам Кристи: «Вы мне гадки», - говорит редактор. Камышев соглашается: «Я сам себе гадок».

Давайте, перечислим, кто еще гадок: Отелло – причем он убил не только потому, что его обманули. Сама Дездемона всем своим поведением его провоцировала (подробнее см. здесь: Антикварки http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=593955), Хозе из новеллы Проспера Мериме «Кармен». Рогожин из романа Достоевского «Идиот», цыган Лойко Зобар из рассказа Горького «Макар Чудра», Позднышев из повести Льва Толстого «Крейцера соната». И даже несчастный Павел Петрович из романа Тургенева «Отцы и дети» мог загреметь в гадкие, убей он Базарова. Можно добавить «Грозный перевал» Эмили Бронте, «Ангел-хранитель» Франсуаза Саган, «Великий Гетсби» Скотта Фицджеральда.

Редактор (персонаж повести) говорит, что тема приелась читателю.

Не приелась – позже за ту же тему возьмется Лев Толстой.

Что же нового хотел сказать Чехов? Ему было всего 24 года, когда он принес рукопись в редакцию московской газеты «Новости дня». В 1884-м Чехов окончил медицинский факультет Московского университета и начал работать уездным врачом в Чикинской больнице. Стаж писательской работы – 5 лет. В том же 1884-м вышел сборник его рассказов «Сказки Мельпомены».

Пьеса «Драма на охоте» живая, в ней движение, многообразие характеров, их переплетение, развитие. Есть находки. Например: Камышев сообщает, что непрочь был бы жениться на Наде Калининой, однако вдруг охладевает к ней. И разъясняет:

«Говоря ранее с Павлом Ивановичем о причинах, заставивших меня внезапно прекратить свои поездки к Калининым, я был неоткровенен и совсем неточен... Я скрыл настоящую причину, скрыл ее потому, что стыдился ее ничтожности... Причина была мелка, как порох... Заключалась она в следующем. Когда я в последнюю мою поездку, отдав кучеру Зорьку, входил в калининский дом, до моих ушей донеслась фраза: - Наденька, где ты? Твой жених приехал! Это говорил ее отец, мировой, не рассчитывая, вероятно, что я могу услышать его. Но я услышал, и самолюбие мое заговорило. «Я жених? — подумал я. - Кто же тебе позволил называть меня женихом? На каком основании?» И словно что оторвалось в моей груди... Гордость забушевала во мне...»

Нет, не гордость. И причина не мелка. Это нежелание унижения, когда с тобой обращаются как с животным вроде быка, которого ведут на случку. Гнило улыбаются, дескать. заем – влюблен, советуют, как тебе приблизиться к предмету своих воцелений. Это не враги. Это гораздо хуже – доброты. И если «предмет» вполне мила с ними, то...

Юный Чехов обнаруживает способность анализировать собственные чувства.

Урбенин после смерти жены – бросает пить, в нем просыпается разум, он спокоен, исчез источник его мучений. (Между прочим – вот мотив преступления!)

В роли преступника – автор повести о преступлении, Чехов здесь новатор, так считает литературовед Джулиан Симонс (Symons J. Bloody Murder. L.1975).

Наконец, попробуйте написать рассказ в стиле человека, которого нет на свете!

В пьесе отчетливо видна линия Кармен, недаром по ходу действия появляется горячая цыганка Тина и устраивает Камышеву сцены ревности.

Оленька заставляет Камышева ее прощать, поработает Урбенина, наводит страх даже на графа Карнеева, третирует обоих. «Женщина она редкая, недюжинная, не говоря уж о наружности. Умишко неособенный, но сколько чувства, изящества, свежести!..» - говорит о ней граф.

Чехов осознает, что в глубокой провинции нет Кармен, не соответствует она ни русскому крепостничеству, ни патриархальности, ни деревенскому идиотизму. Кармен может быть в Санкт-Петербурге, как в романе «Идиот», да и то с большими оговорками, при явной изначальной склонности Рогожина к уголовщине. Реальная стерва – жена Позднышева, но в повести нет привязки к местности. И, судя по тому, что Позднышев – профессор химии, о провинции и речи нет.

«Мужья, - отмечает Камышев, - убивают жен только в романах да под тропиками, где кипят африканские страсти, голубчик. С нас же довольно и таких ужасов, как кражи со взломом или прожительство по чужому виду».

Поэтому Чехов переплетает линию Кармен с линией неравного брака из-за нищеты – забавы богатых и тому подобное: «Я не понимаю, что вы говорите... - сказала она. - Вам неприятно, что молодая девушка выходит за старика? Да? Оленька вдруг вспыхнула, задвигала нервно подбородком и, не дожидаясь моего ответа, проговорила быстро: - Вам это не нравится? Так извольте вы сами идти в лес... в эту скуку, где нет никого, кроме кобчиков да сумасшедшего отца... и ждите там, пока придет молодой жених! Вам понравилось тогда вечером, а поглядели бы вы зимой, когда рада бываешь... что вот-вот смерть придет...»

Увы, Чехов хотел совместить несовместимое: какая может быть Кармен, если брак по расчету.

И детектив не строится: Камышев вовсе не уголовник. Даже если он убивает в состоянии аффекта, он не меняется. Но концу сюжет ломается: Камышев вдруг весьма нелогично становится уголовником, он рассчитывает убийство Кузьмы.

В пьесе масса нестыковок, Чехов фактически не завершил произведение. Он никогда не возвращался к работе над ним, не включал в собрание сочинений, не упоминал в переписке.

Эпоха Кин-дза-дза

Нас здесь волнует не столько мнение Чехова, сколько мнение режиссера фильма и автора спектакля, которые осуждают Камышева и уверены, что Ольга его любила. Лотяну настолько осуждает, что отправляет Камышева на тот свет. Обратимся к тексту.

Камышев:

«... мне казалось, что я действительно люблю ее, люблю любовью мужа...» Казалось.

На свадьбе с Урбениным Камышев просит Ольгу немедленно ехать к нему, Ольга противится, хочет совместить полезное с приятным: «Но как же ты будешь, дурочка? - Я буду жить здесь, а ты... будешь приезжать каждый день... Я буду выходить тебя встречать».

И Камышев – соглашается, Ольга становится его любовницей.

В фильме данный момент отнесен в конец, Ольга говорит, что граф разведется, она останется с графом, но будет любовницей Камышева, и Камышев с омерзением отвергает такое предложение.

«Ты женился бы на мне, если бы я не вышла за Петра Егорыча? «Вероятно, нет», - хотелось мне сказать, но к чему было ковырять и без того уж большую ранку, мучившую сердце бедной Оли?»

«Каждый день Ольга ездила с графом кататься верхом. Но это пустяки. Ольга не могла полюбить графа, и ревность Урбенина была неосновательна. Ревновать должны были мы не к графу, а к чему-то

другому, чего я не мог понять так долго. Это «что-то другое» стало между мной и Ольгой целой стеной. Она продолжала любить меня, но после того посещения, которое было описано в предыдущей главе, она была у меня еще не более двух раз, а встречаясь со мной вне моей квартиры, как-то странно вспыхивала и настойчиво уклонялась от ответов на мои вопросы. На мои ласки она отвечала горячо, но ответы ее были так порывисты и пугливы, что от наших коротких randevу оставалось в моей памяти одно только мучительное недоумение. Совесть у нее была нечиста - это было ясно, но в чем именно - нельзя было прочесть на виноватом лице Ольги».

«Поздравь! - сказал он, беря меня под руку и хихикая. - С чем? - С победой... Еще одна такая поездка, и, клянусь прахом моих благородных предков, с этого цветка я сорву лепестки. - Но пока еще не сорвал? - Пока?... Чуть-чуть! В продолжение десяти минут «твоя рука в моей руке», - запел граф, - и... ни разу не отдернула ручки... Зацеловал!»

В тексте нет комментариев Камышева, разговор продолжается плавно, спокойно.

Эта отстраненность и есть любовь?

Из этой отстраненности не вытекает не только убийство Кузьмы, но и аффект.

Линия борьбы с нищетой сохраняется, но никуда не делась и стервозность, Ольга ведет себя и с Урбениным, и с графом, и с прочими - как стерва.

«На другой день вечером я опять был в графской усадьбе. На этот раз я беседовал не с Сашей, а с ее братом-гимназистом. Мальчик повел меня в сад и вылил передо мной всю свою душу. Излияния эти были вызваны моим вопросом о житее его с «новой мамашей». — Она ваша хорошая знакомая, — начал он, нервно расстегивая свой мундирчик, — вы ей расскажете, но я не боюсь... Рассказывайте, сколько угодно! Она злая, низкая! И он рассказал мне, что Ольга отняла у него комнату, прогнала старуху-няню, служившую у Урбенина десять лет, вечно кричит и злится. — Вчера вы похвалили волосы сестры Саши... Ведь хорошие волосы? Настоящий лен! А она сегодня утром остригла ее!.. Весь день плачет, что ей приходится жить в бедности, в таком маленьком флигеле. А разве папаша виноват, что у него не много денег?»

Еще характеристика: «Глупая красивая кошка».

«Пока граф изливал свой гнев, а Ольга утирала слезы, человек подал жареных куропаток. Граф положил госте полкуропатки... Она отрицательно покачала головой, потом же как бы машинально взяла вилку и нож и начала есть. За куропаткой следовала большая рюмка вина, и скоро от слез не осталось никакого следа, кроме розовых пятен около глаз да редких глубоких вздохов. Скоро мы услышали смех...»

Еще: «Ужасно любит тряпки! В новом платье она в состоянии простоять перед зеркалом от утра до вечера; из-за испорченной оборки она в состоянии проплакать день и ночь... Вчера целый день куксила и била посуду, третьего дня обьяелась шоколату».

Ольга:

«Раз даже, желая показать, что между им и мною нет тайн, он поцеловал ее руку при мне. - Какой болван! - прошептала она мне на ухо, вытирая свою руку. - Послушай, Ольга! - сказал я по уходе графа. - Мне кажется, что тебе хочется что-то сказать мне. Хочется? Я пытливо взглянул на ее лицо. Она вспыхнула и пугливо заморгала глазами, как кошка, пойманная в воровстве. - Ольга, - сказал я строго, - ты должна сказать мне! Я этого требую! - Да, я хочу тебе кое-что сказать, - зашептала она, сжимая мне руку. - Я тебя люблю, жить без тебя не могу, но... не ездь ко мне, милый мой! Не люби меня больше и говори мне «вы». Я не могу уж продолжать... Нельзя... И не показывай даже виду, что ты меня любишь. - Но почему же? - Я так хочу. Причины знать тебе не нужно, и я их не скажу. Идут... Отойди от меня».

В спектакле Камышев вне себя, вернувшись домой, рыдает в подушку – в тексте этого нет.

Еще: «Оставь меня в покое! — прохрипела она. — Я не расположена сегодня говорить ни с тобой... ни с твоим дураком графом! Отойди от меня прочь!»

Лотяну слово «прохрипела» выбросил. Слишком увлекся Агатой Кристи. Или актрисой.

Это и есть любовь? Не смешите. Дело в том, что в пьесе вообще никто никого не любит.

И Урбенин не любит, он только желает обладать Ольгой. Пьет потому, что не в силах ей завладеть.

Не любит и Надя Калинина, естественно, не любит граф. В этой пьесе не к кому возвращаться.